

Наутро, собравшись, Хэ Ян вышел из дома вместе с Сюаньсюанем. Сначала он завёл сына в ближайший детский сад с продлёнкой — небольшое частное заведение, где присматривали за детьми работающих родителей. Воспитательница, женщина лет тридцати с мягкой, располагающей улыбкой, приняла мальчика, ласково взяв за руку.

Сюаньсюань был удивительно послушным и смыслённым для своих неполных трёх лет — он понимал, как тяжело приходится отцу, знал, что папе нужно работать, чтобы зарабатывать деньги и кормить семью. Внутри у него всё сжималось от страха перед незнакомым местом и чужими людьми, к глазам подступали слёзы, но он мужественно сдерживал их, не позволяя пролиться: только сжал кулачки покрепче да закусил губу, старательно улыбаясь сквозь готовую вот-вот прорваться обиду, и помахал отцу ручкой на прощание.

Работа Хэ Яна заключалась в разгрузке товаров. Когда он приходил на собеседование, кадровик честно предупредил его: работа тяжёлая, грузчиком быть непросто, и если человек не привык к физическому труду, лучше дважды подумать, прежде чем соглашаться.

Но был ли у Хэ Яна выбор? Он перебирал в уме все варианты, все возможные пути — и каждый упирался в стену. Найти место с достойной зарплатой, не имея ни связей, ни образования, — это уже большая удача, от которой глупо отказываться.

Все свои сбережения он тогда до последнего юаня отдал директрисе на операцию Хайяню — и после этого финансы запели романсы, вернее, затянули погребальную песню. Сын был ещё слишком мал, требовал постоянного внимания и заботы, и Хэ Яну пришлось перебиваться мелкими онлайн-займами, влезать в долги, экономить на всём, на чём только можно: доедал за сыном, сам не покупал ничего лишнего, даже чай заваривал из одного пакетика по три раза, пока тот не становился прозрачным, как вода. Так они и протянули почти до года, пока Хэ Ян не нашёл в Юньчэне надомную работу — мелкое рукодельное производство, где можно было сидеть с ребёнком и потихоньку, копейка к копейке, зарабатывать на жизнь.

Местные жители относились к Хэ Яну с большим участием. Зная, что он разведён и тянет ребёнка в одиночку, они старались помочь, чем могли: кто овощей с огорода принесёт, кто за Сюаньсюанем приглядит, пока Хэ Ян отлучится по делам, кто старые, но ещё крепкие вещи для малыша отдаст. Хэ Ян был им за это бесконечно благодарен — в этом маленьком городке, где все друг друга знали, он впервые за долгое время почувствовал, что не один.

Когда Сюаньсюаню исполнилось два года, они вернулись на родину, в Цзяннань.

Хэ Ян планировал вернуться к старой профессии гида, но тут случилось непредвиденное, перечеркнувшее все планы: отец Ли Гуанбиня, съездив в Макао, проиграл в азартные игры все семейные сбережения, накопленные за годы тяжёлого труда, да ещё и влез в огромные долги. К дому то и дело наведывались коллекторы — мрачные люди с холодными глазами, требовали вернуть деньги, угрожали, не давали прохода. Родители Ли Гуанбиня, не выдержав позора и постоянного давления, дошли до развода, а сам Ли Гуанбинь, которому только недавно исполнилось двадцать три, словно повзрослел за одну ночь — собрал вещи и уехал с одноклассником в Пекин, чтобы работать и хоть как-то расплатиться с долгами, в которые втянул семью отец.

Сюаньсюань был ещё слишком мал, и Хэ Ян не мог оставить его одного и уехать. Так прошло ещё почти полгода.

А потом внезапно, среди серой череды однообразных дней, позвонил Ли Гуанбинь. Голос в трубке звучал устало, но в нём чувствовалась надежда. Сказал, что есть работа в логистической компании: восьмичасовой рабочий день, четыре выходных в месяц, зарплата — восемь тысяч юаней, питание включено, жильё, правда, не дают. Спросил, хочет ли Хэ Ян попробовать, и добавил, что сам там уже почти полгода, и вроде нормально, можно выжить.

Хэ Ян отчаянно нуждался в такой работе — не просто хотел, а задыхался без неё. И даже если для этого придётся вернуться в Пекин, город, где он стоял на коленях, умоляя о пощаде, город, где его сердце разбили на мелкие осколки, город, который он поклялся забыть, как страшный сон, — ради сына, ради их будущего он был готов на всё. Он согласился, не раздумывая, даже не спросив о деталях.

Перед отъездом директриса отвела Хэ Яна в сторону и, осторожно подбирая слова, предложила: может, оставить ребёнка у неё? Хотя бы на первое время, пока он не встанет на ноги. Ведь одному с малышом на чужбине будет невероятно трудно — она-то знала это лучше других.

Хэ Ян посмотрел на неё — на её седые волосы, на морщины, что стали глубже за последние годы, на усталые, но всё такие же добрые глаза. Он понимал: директриса уже немолода, у неё и так забот полон рот. Здоровье пошаливает — то давление скакнёт, то сердце прихватит. В приюте куча детей, за которыми нужен глаз да глаз, каждому нужно внимание, ласка, забота. Да ещё и Хайянь, который после операции так и не набрал сил — то и дело простужается, болеет, ест, а не поправляется, в свои семнадцать выглядит как дистрофик, и директриса места себе не находила от беспокойства, ночами не спала, всё думала, как ему помочь.

Он не имел права взваливать на неё ещё и эту ношу. Не сейчас. Может быть, никогда.

К тому же Сюаньсюань... Сюаньсюань был неразлучен с отцом. Они были как одно целое, как две половинки одного сердца. Стоило Хэ Яну исчезнуть из поля зрения хоть на минуту — отойти в туалет или выйти за ворота, — как малыш начинал носиться по двору, заглядывать во все углы и истошно вопить: «Папа! Папа! Где папа?» — пока не находил его или пока кто-то не приводил его к отцу.

Хэ Ян не хотел, чтобы его сын рос безотцовщиной, чтобы, как и он сам когда-то, чувствовал себя брошенным, никому не нужным. Нет, Сюаньсюань должен знать: у него есть отец, который всегда рядом, который никогда не оставит, не предаст и не исчезнет. Взвесив все «за» и «против», перебрав в голове сотни вариантов, он принял твёрдое решение и, не колеблясь больше ни секунды, отправился с Сюаньсюанем в Пекин — в город своих кошмаров, но и в город, где, возможно, начнётся их новая, счастливая жизнь.

Переодевшись в рабочую форму — просторную, не по размеру, пахнущую чужим потом и складской пылью, — Хэ Ян с головой ушёл в разгрузку. Рабочий день длился с девяти утра до

шести вечера с полуторачасовым перерывом на обед. Ящики, коробки, мешки — всё это нужно было таскать, перекладывать, сортировать. Руки быстро занемели, спина заныла, но Хэ Ян не позволял себе останавливаться.

Уже через несколько часов непрерывной работы он вымок до нитки — рубашка прилипла к телу, пот заливал глаза, но он продолжал двигаться, как заведённый механизм, боясь, что если остановится, то уже не сможет заставить себя продолжать.

Наконец наступило время обеда. Хэ Ян, взяв свой контейнер с незатейливой едой, пристроился в прохладном уголке рядом с кондиционером — единственным месте, где можно было хоть немного отдохнуть от духоты. Он перевёл дух, позволил себе на мгновение расслабиться, прикрыть глаза. Вокруг слышался звон ложек, приглушённые разговоры, кто-то рядом довольно прихлёбывал суп, перекидываясь шутками с соседом.

К нему подсел коренастый парень с добрым, открытым лицом, приветливо кивнул:

— Меня Лю Бин зовут. Ты, похоже, новенький? Я тебя раньше не видел. Тяжело, да?

Хэ Ян только устало кивнул — говорить не было сил.

— Я на месяц раньше тебя пришёл, — продолжил Лю Бин, понимающе усмехнувшись. — Ничего, привыкнешь. Первые дни всегда самые пекло, организм адаптируется. — Он кивнул на контейнер в руках Хэ Яна. — Ты сначала поешь как следует, сил наберись. А то к вечеру совсем вырубись, я знаю.

Хэ Ян был благодарен ему за совет. И действительно, доев обед, он почувствовал себя гораздо бодрее — сытость придала сил. Вторая половина дня, хоть и была такой же изнурительно жаркой и тяжёлой, далась ему легче.

В логистической компании кормили бесплатно — две тётушки на кухне готовили на всех. Еда была обильной, сытной и вкусной, так что Хэ Ян, непривычный к такому изобилию, ел от души. Все сотрудники, включая начальство, питались в одной столовой, так что качеству еды уделяли особое внимание.

Когда прозвенел гудок, возвещающий конец смены, Хэ Ян почувствовал, что ещё немного — и он рухнет прямо здесь, на бетонный пол склада. Ноги гудели, ладони стёрты в кровь, спина отказывалась разгибаться. Но времени не было — сын ждал.

Он даже не успел переодеться и поужинать — только забрал в столовой два жареных куриных окорочка, завернул их в пакет и помчался в детский сад, боясь опоздать хоть на минуту.

Сюаньсюань стоял у входа, насупившись и вцепившись маленькими пальчиками в дверной косяк. Он неотрывно смотрел на двери лифта — так, словно от этого взгляда зависела вся его

жизнь, словно он мог силой мысли заставить отца появиться быстрее.

Увидев Хэ Яна, он рванул к нему со всех своих коротеньких ножек, звонко, на весь коридор, закричав: «Папа! Папа!» — и Хэ Яна захлестнула такая острая, почти физическая волна нежности и жалости, что на мгновение перехватило дыхание и к глазам подступили слёзы.

— Папа! — Сюаньсюань обхватил его за шею, уткнулся носом в грудь и прильнул всем телом, словно боялся, что отец сейчас исчезнет, растворится в воздухе, как утренний туман. Он прижимался так крепко, как только мог, и Хэ Ян чувствовал, как бьётся маленькое сердечко — часто-часто, как у пойманного воробья.

Воспитательница коротко рассказала Хэ Яну, как прошёл день. Хэ Ян пожал ей руку, поблагодарил. Сюаньсюань тоже вежливо попрощался.

По дороге домой Хэ Ян, держа сына за руку и чувствуя, как маленькие пальчики доверчиво сжимают его ладонь, спросил как бы между прочим, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Сюаньсюань, воспитательница сказала, что ты вёл себя очень хорошо. Папа тобой гордится. Но мне интересно: почему ты не хотел играть с другими детьми? Даже разговаривать с ними не хотел?

Сюаньсюань поднял на него свои большие, серьёзные не по годам глаза, помолчал секунду, собираясь с мыслями, а потом выпалил то, что было у него на сердце, — просто, без обиняков, так, как умеют только дети, ещё не научившиеся врать и скрывать свои чувства:

— Папа, я по тебе скучал. — Голос его дрогнул, но он держался молодцом. — Очень-очень скучал. Не хотел играть. Не хотел разговаривать. Только тебя ждал. Думал: папа придёт, папа меня заберёт.

У Хэ Яна перехватило горло. Он ничего не ответил — только крепче сжал маленькую ладошку в своей руке и притянул сына ближе, обняв за плечи. Идти так, в обнимку, по вечернему городу было трудно, но он не мог отпустить — словно боялся, что если разожмёт руки, то потеряет самое дорогое, что у него есть.

— Папа, — тихо сказал Сюаньсюань через минуту, когда они уже подходили к дому, — а ты завтра опять придёшь?

— Приду, — Хэ Ян наконец разрешил себе сглотнуть комок. — Обязательно приду.

Сюаньсюань кивнул, успокоенный, и дальше шёл молча, только иногда сжимал отцовскую руку — проверял, не исчез ли.

<http://bllate.org/book/16098/1573522>